

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ДИВЕРСИЮ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА УКРАИНЫ И РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

БРЫНЗА Сергей Михайлович,
*д.ю.н., профессор Департамента
Уголовного права Государственного
университета Молдовы*

СТАТИ Виталий Анатольевич,
*к.ю.н., доцент Департамента
уголовного права Государственного
университета Молдовы*

Ответственность за диверсию предусмотрена в законодательствах большинства государств мира, независимо от формы правления, типа государственного устройства и вида политического режима, которые определяют их сущность. Предусмотрена ответственность за такое деяние и в уголовных законах Республики Молдова и Украины.

Так по ст. 343 Уголовного кодекса Республики Молдова (далее – УК РМ) ответственность наступает за «совершение с целью подрыва экономической основы и обороноспособности страны взрывов, поджогов или иных действий, направленных на массовое уничтожение людей, причинение телесных повреждений или иного вреда их здоровью, на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, путей и средств сообщения, средств связи либо другого государственного или общественного имущества, а равно совершение в тех же целях отравлений или распространение эпидемий или эпизоотий». Наказанием за такое преступление предусмотрено лишение свободы на срок от 12 до 20 лет. Статья 113 Уголовного кодекса Украины (далее – УКУ) устанавливает: «Совершение с целью ослабления государства взрывов, поджогов или иных действий, направленных на массовое уничтожение людей, причинение телесных повреждений или иного вреда их здоровью, на разрушение или повреждение объектов, имеющих важное народнохозяйственное или оборонное значение, а также совершение с той же целью действий, направленных на радиоактивное загрязнение, массовое отравление, распространение эпидемий, эпизоотий или эпифитотий, наказывается лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества или без таковой».

В Уголовном кодексе Республики Молдова диверсия входит в число преступлений против публичной власти и безопасности государства. В Уголовном кодексе Украины диверсия относится к группе преступлений против основ национальной безопасности Украины. Особая важность таких социальных ценностей обуславливает степень общественной опасности диверсии. Согласно ч. (5) ст. 16 УК РМ диверсия входит в категорию особо тяжких преступлений. Особо тяжким преступлением диверсия считается и в соответствии с ч. 5 ст. 12 УКУ.

Зачастую жертвами диверсий становятся гражданские лица, не имеющие никакого отношения ни к ведению военных действий, ни к принятию политических решений. Такого рода деяния создают условия для значительного числа человеческих жертв, уничтожения значительных материальных благ и наступления прочих экономических, политических, дипломатических и военных последствий. В этом отношении Г. Дьяконеску характеризует общественную опасность диверсии следующим образом:

благодаря своему большому общественному резонансу, диверсионные акты подрывают устои общества, вызывая у населения беспокойство, страх, пораженчество, отсутствие уверенности в способности властей обеспечить нормальное развитие общественных отношений. На это состояние общества реагируют внешние политические и экономические партнеры, что, в свою очередь, порождает другие нежелательные эффекты [1, с. 79].

В качестве непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 113 УКУ, А.Ф. Бантышев и А.В. Шамара рассматривают «основные интересы Украины в сфере безопасности жизни и здоровья людей, экономической системы, обороноспособности и радиационной безопасности, безопасности окружающей среды» [2, с. 220]. По мнению С.И. Селецкого, «непосредственным объектом диверсии являются экономическая основа, внутренняя безопасность Украины, а также жизнь и здоровье людей, экономическая безопасность и т.д., в зависимости от формы диверсии» [3, с. 20]. На взгляд А. Гайворонского «объектом диверсии являются все объекты национальной безопасности Украины, так как вред от преступных действий, предусмотренных статьей 113 УК Украины, причиняется не только государству, но и человеку и гражданину, а также обществу» [4]. О.А. Чуваков относит преступление, указанное в ст. 113 УК Украины, к многообъектным преступлениям: «Непосредственные объекты этого преступления – национальная безопасность, жизнь и здоровье людей, объекты народнохозяйственного и оборонного значения – являются обязательными, взаимообусловленными и равнозначными» [5]. Считая перечисленные объекты равнозначными, автор, тем не менее, избегает выделения главного (основного) непосредственного объекта диверсии и дополнительного непосредственного объекта диверсии.

Такие непосредственные объекты выделяют другие ученые. Например, В.Я. Тацкий высказывает мнение, что «непосредственным объектом диверсии являются экономическая основа, внутренняя безопасность Украины. Дополнительными объектами могут быть: жизнь, здоровье людей, экологическая безопасность и др.» [6, с. 27] Более упорядоченной в терминологическом смысле является точка зрения А.В. Шевчука и М.Д. Дякура: «Диверсия – это двухобъектное преступление, где основным непосредственным объектом являются внутренняя и внешняя безопасность Украины, а обязательным дополнительным – жизнь и здоровье лиц, собственность, общественная безопасность, окружающая среда» [7, с. 22]. В примерно таком же ключе выстроено рассуждение Ю. Безусидни: «Основной непосредственный объект диверсии – безопасность государства в экономической, экологической, военной или в любой другой сфере в соответствии с направленностью конкретного акта диверсии. Кроме этого, для диверсии характерен обязательный дополнительный объект, который имеет разное содержание в разных формах этого преступления: это жизнь и здоровье человека, собственность, окружающая среда» [8].

Такую же структуру непосредственного объекта диверсии отображают молдавские пеналисты. Так, по мнению К. Ульяновского, «непосредственным объектом диверсии являются экономическая безопасность и обороноспособность страны. В качестве дополнительного непосредственного объекта диверсии выступают в определенных обстоятельствах жизнь и здоровье личности, право собственности, окружающая среда и т.д.» [9, с. 758]. Л.Г. Гырла и Ю.М. Табарча выражают мнение, что «непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 343 УК РМ, признаются экономическая безопасность и обороноспособность Республики Молдова. В качестве дополнительного объекта следует признать физическую неприкосновенность, жизнь и здоровье личности, отношения собственности и т.д.» [10, с. 413].

Придерживаясь схожей позиции, отметим, что основным непосредственным объектом преступления, указанного в ст. 343 УК РМ, являются общественные отношения по поводу безопасности Республики Молдова, рассматриваемые с точки зрения консолидации экономической основы и обороноспособности государства. Дополнительным непосредственным объектом данного преступления выступают общественные отношения по поводу одной из следующих социальных ценностей: жизнь личности; здоровье личности; целостность, вещественность и потенциал использования предприятий, сооружений, путей и средств сообщения, средств связи либо другого государственного или общественного имущества; общественное здоровье.

Уточним, что общественные отношения по поводу жизни личности могут образовывать дополнительный непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 343 УК РМ, лишь в том случае, когда убийство поглощается вышеобозначенным преступлением. Сравнивая санкции ст. 145 и ст. 343 УК РМ, приходим к выводу о том, что такая возможность подтверждается только в случае убийства одного человека (ч. (1) ст. 145 УК РМ). Эта возможность исключается в случае убийства двух или более лиц (п. г) ч. (2) ст. 145 УК РМ), как и в случае убийства одного человека при другихотягчающих обстоятельствах, указанных в ч. (2) ст. 145 УК РМ.

Относительно предмета преступления, ответственность за которое установлено ст. 113 УКУ, В.Я. Таций утверждает: «Предметом диверсии могут быть: предприятия, учреждения, пути и средства сообщения, нефте-, газопроводы и др.» [6, с. 27]. С точки зрения Ю. Безсусидни, «предметом диверсии могут быть: здания, сооружения и другие объекты, имеющие важное народнохозяйственное или оборонное значение, от деятельности которых зависит жизнедеятельность определенных регионов или других крупных территорий, надлежащее функционирование определенных отраслей экономики, структур государственного управления (электростанции, нефтепродуктопроводы, мосты, дамбы, плотины, системы информационных коммуникаций, вокзалы, аэропорты, морские или речные порты, метрополитены, предприятия по производству денежных знаков Украины или другие важные предприятия, независимо от формы собственности, воинские части и т.п.), в том числе предприятия, разрушения или повреждения которых само по себе является фактором опасности (химические, биологические предприятия, предприятия по изготовлению взрывчатых материалов и изделий, пожароопасные производства или хранилища и т.п.); сельскохозяйственные объекты и производства, имеющих большое значение в жизни отдельных регионов и страны» [8]. Более системный подход проявляет А.С. Климосюк. По мнению этого автора, есть основания для выделения трех форм диверсии, «в которых предмет входит в состав преступления как обязательный признак: 1) объекты, имеющие важное народнохозяйственное или оборонное значение – в контексте совершения диверсии в форме совершения взрывов, поджогов или иных действий, направленных на разрушение или повреждение таких объектов; 2) объекты радиоактивного загрязнения (территория или другие) – в контексте совершения действий, направленных на такое их загрязнения; 3) животные и растения – в контексте совершения действий, направленных на распространение эпизоотий или эпифитотий» [11]. Тело человека не входит в данный перечень, несмотря на то, что А.С. Климосюк считает непосредственным объектом диверсии, среди прочего, общественные отношения в сфере безопасности жизни или здоровья многих людей [12].

С несколько иной позиции выступает А. Гайворонский, который отмечает, что при совершении диверсии, преступное воздействие на субъектный состав обществен-

ных отношений, в зависимости от способа, может выражаться, в числе других, в физическом воздействии, «что подразумевает воздействие на тело участника общественных отношений, на его биологическое существо, в частности путем совершения виновным, с целью ослабления государства, взрыва или поджога, направленных на массовое уничтожение людей либо действий, направленных на радиоактивное заражение, массовое отравление или распространение эпидемий» [4].

Похожим образом в уголовном праве Республики Молдова характеризуется предмет преступления, указанного в ст. 343 УК РМ. Так, на взгляд К. Ульяновского, это преступление «может иметь в качестве предмета тело человека – в случае причинения телесного повреждения, иного вреда здоровью лица или смерти лица, товары – в случае их уничтожения или повреждения и т.д.» [13, с. 684]. Л.Г. Гырла и Ю.М. Табарча высказывают мысль, что «предметом рассматриваемого преступления являются предприятия (фабрики, заводы), сооружения (мосты, плотины, системы водоснабжения, склады с продовольствием), пути и средства сообщения, средства связи, другое государственное или общественное имущество. В случае совершения действий, направленных на массовое уничтожение людей, причинение телесных повреждений или иного вреда их здоровью, предметом является тело человека» [10, с. 413].

Действительно, толкование диспозиции ст. 343 УК РМ позволяет нам заключить, что предметом преступления, предусмотренного данной статьей, необходимо считать в зависимости от обстоятельств: тело человека; объекты, представляющие инфраструктуру предприятий, сооружений, путей и средств сообщения, средств связи либо другого государственного или общественного имущества.

Привлекает к себе внимание следующее мнение, принадлежащее А.Ф. Бантышеву и А.В. Шамаре: «По действующему законодательству при запуске в ЭВМ или в целую систему так называемого компьютерного вируса, при стирании дорогостоящей программы с целью ослабления государства, такого рода действия не могут быть квалифицированы как диверсия, поскольку в них отсутствует предмет преступления. Независимо от направленности умысла виновный при этом может нести ответственность за одно из преступлений, ответственность за которые предусмотрены в Разделе XVI УК Украины («Преступления в сфере использования электронно-вычислительных машин (компьютеров), систем и компьютерных сетей, сетей электросвязи»), но не за диверсию» [2, с. 213].

Противоположную позицию отстаивают А.А. Васильев и Д.В. Пашнев: «Уничтожение определенной чрезвычайно важной для обороноспособности страны компьютерной информации с целью ослабления государства путем несанкционированного вмешательства, которое повлекло существенный вред, является диверсией и должно квалифицироваться только по ст. 113 УК Украины и не относится к преступлениям в сфере использования электронно-вычислительных машин (компьютеров), систем и компьютерных сетей и сетей электросвязи» [14]. Ю. Безсусидня поддерживает взгляд А.А. Васильева и Д.В. Пашнева и считает, что «кибернетическую атаку целесообразно отнести к объективной стороне диверсии, дополнив диверсию такой формой ее осуществления: несанкционированное вмешательство в работу электронно-вычислительных машин (компьютеров), автоматизированных систем, компьютерных сетей, распространение или сбыт вредных программных или технических средств» [8]. В свою очередь, А. Гайворонский отмечает, что уничтожение или искажение компьютерной информации с целью ослабления государства «уже предусмотрены диспозицией статьи 113 УК Украины, так как такие действия охватываются понятием «иных действий», направленных на наступление последствий, указанных в диспозиции данной

нормы, и в дополнительном внесении в перечень таких действий не нуждаются» [4].

Согласимся с А. Гайворонским. Формулировка диспозиции ст. 113 УКУ – чрезвычайно обширная и, поэтому, позволяет охватить всю без исключений палитру действий, направленных на ослабление государства посредством массового уничтожения людей, причинения телесных повреждений или иного вреда их здоровью, разрушения или повреждения объектов, имеющих важное народнохозяйственное или оборонное значение, радиоактивного загрязнения, массового отравления, распространения эпидемий, эпизоотий или эпифитотий. Если кибердиверсия (то есть диверсия, совершаемая с помощью киберсредств) имеет одну из вышеперечисленных целей, должна быть применена именно ст. 113 УКУ. Преступление, указанное в этой статье, может совершаться с помощью любых средств, в том числе – с помощью киберсредств. Применение в таком случае ст. 113 УКУ исключает дополнительную квалификацию по статьям Раздела XVI УКУ. Причиной тому является поглощение диверсией любого из преступлений в сфере использования электронно-вычислительных машин (компьютеров), систем и компьютерных сетей и сетей электросвязи.

В ст. 343 УК РМ используется примерно такая же широкая формулировка – «или иных действий, направленных на массовое уничтожение людей, причинение телесных повреждений или иного вреда их здоровью, на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, путей и средств сообщения, средств связи либо другого государственного или общественного имущества». Вследствие этого, если совершение кибердиверсии преследует одну из вышеобозначенных целей, применима только ст. 343 УК РМ. В данном случае отсутствует необходимость в дополнительной квалификации по статьям Главы XI «Информационные преступления и преступления в области электросвязи» Особенной части УК РМ.

С точки зрения С.И. Селецкого, пострадавшими от преступления, ответственность за которое установлено ст. 113 УКУ, «могут быть люди, которые пострадали от взрывов, поджогов или иных действий, массовых отравлений и распространения эпидемий» [3, с. 20]. О.Ф. Бантишев и О.В. Шамара высказывают схожее мнение: «В случае взрывов, поджогов или иных действий, направленных на массовое уничтожение людей, причинение телесных повреждений или иного вреда их здоровью, при совершении действий, направленных на радиоактивное загрязнение, массовое отравление, распространение эпидемий, если подобные действия повлекли желаемые для субъекта преступления последствия, следует говорить о пострадавших» [2, с. 210].

О пострадавших от преступления, предусмотренного ст. 343 УК РМ, говорит Дж. Кожану: в случае этого преступления «физическое лицо может стать пострадавшим в результате наступления прямых последствий при отравлении или эпидемии» [15, с. 114]. По нашему мнению о пострадавших можно говорить не только в таком случае, но и в случае совершения взрывов, поджогов или иных действий, направленных на массовое уничтожение людей, причинение телесных повреждений или иного вреда их здоровью.

С другой стороны, во всех этих случаях, ни наличие, ни число пострадавших не следует считать обязательными условиями для квалификации содеянного по ст. 113 УКУ или по ст. 343 УК РМ. Даже если виновный преследует целью массовое уничтожение людей, для окончания диверсии достаточно совершение соответствующего деяния, независимо от того привело это или нет к гибели кого-либо.

О.Ф. Бантишев и О.В. Шамара утверждают, что диверсия, предполагающая наличие пострадавших, образует совокупность с убийством или с причинением тяжких телесных

повреждений [2, с. 220-221]. Такая идеальная совокупность предполагала бы нарушение принципов квалификации преступлений. По мнению Р.Г. Мубаракшина, «принцип недопустимости двойного вменения запрещает дважды (и более) вменить в вину совершение одного преступления, иначе говоря, двойную квалификацию установленных по делу фактических обстоятельств дела. Из этого принципа исходят следующие правила квалификации преступлений: при конкуренции норм по объекту посягательства применяется та статья уголовного закона, которая более полно охватывает объект преступления; если в результате совершения деяния наступили последствия, предусмотренные различными частями одной и той же статьи, то это деяние квалифицируется только по той части статьи УК, которая устанавливает ответственность за причинение более тяжкого последствия» [16]. Р.А. Сабитов отмечает, что «принцип справедливости запрещает правоприменителю дважды (и более) вменить в вину совершение одного преступления, т.е. двойную квалификацию установленных по делу фактических обстоятельств. На недопустимости двойного вменения базируются, например, следующие правила квалификации: при конкуренции норм по объекту посягательства применяется та статья уголовного закона, которая более полно охватывает объект преступления; если в результате совершения деяния наступили последствия, предусмотренные различными частями одной и той же статьи, то это деяние квалифицируется только по той части статьи УК, которая устанавливает ответственность за причинение более тяжкого последствия» [17].

Как мы уже ранее заявляли, преступление, предусмотренное ст. 343 УК РМ, поглощает простое убийство (ч. (1) ст. 145 УК РМ), но не может поглощать убийство при отягчающих обстоятельствах (ч. (2) ст. 145 УК РМ). Также преступление, предусмотренное ст. 343 УК РМ, поглощает умышленное причинение тяжкого телесного повреждения или иного тяжкого вреда здоровью (ст. 151 УК РМ).

По этой причине мы не можем согласиться с Дж. Кожану, которая находит возможным квалифицировать содеянное по правилам идеальной совокупности преступлений, в соответствии с ч. (2) ст. 145 и ст. 343 УК РМ [15, с. 114]. Похожую точку зрения выражают Л.Г. Гырла и Ю.М. Табарча [10, с. 415].

Преступление, указанное в ст. 113 УКУ, наказывается лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества или без таковой. Умышленное убийство (ст. 115 УКУ) наказывается лишением свободы на срок от семи до пятнадцати лет (часть 1) или лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет или пожизненным лишением свободы с конфискацией имущества в случае, предусмотренном п. 6 ч. 2 ст. 115 УКУ (часть 2). В соответствии со ст. 121 УКУ умышленное тяжкое телесное повреждение наказывается лишением свободы на срок от пяти до восьми лет (часть 1) или лишением свободы на срок от семи до десяти лет (часть 2).

Следуя правилу, запрещающему ухудшающее положение обвиняемого расширительное толкование уголовного закона (а значит – не запрещающему улучшающее положение обвиняемого расширительное толкование уголовного закона), полагаем, что преступление, предусмотренное ст. 113 УКУ, поглощает преступления, ответственность за которые установлены ч. 1 ст. 115 и ст. 121 УКУ, но не может поглощать преступление, указанное в ч. 2 ст. 115 УКУ.

В любом случае исключается идеальная совокупность поглощающего преступления и поглощенного преступления.

С точки зрения А. Москвичевой, при совершении диверсии, повлекшей гибель нескольких человек, такое деяние полностью подпадает под действие ст. 113 УКУ. Поэтому квалификация его еще и по п. 1 ч. 2 ст. 115 УКУ в контексте искусственно

созданной «идеальной совокупности преступлений», направлена на исправление пенализационной ошибки законодателя» [18]. Согласимся с основной мыслью данного автора: такая идеальная совокупность преступлений недопустима. Вместе с тем анализ санкций сравниваемых норм показывает, что преступление, предусмотренное ст. 113 УКУ, не может поглощать преступление, указанное в ч. 2 ст. 115 УКУ. Утверждение обратного означало бы слишком расширительное толкование уголовного закона, необоснованно улучшающее положение обвиняемого.

В случае конкуренции ст. 113 УКУ и ч. 2 ст. 115 УКУ предпочтение должно отдаваться норме, устанавливающей более строгое наказание. Исходя из этого, было бы излишним дополнение ст. 113 УКУ частью 2, по которой ответственность наступала бы за диверсию, совершенную путем убийства человека или группы лиц. Подобное дополнение было предложено А. Москвичевой [18]. Отсутствует необходимость в таком дополнении и в ст. 343 УК РМ.

Судя по диспозиции ст. 113 УК Украины, объективная сторона преступления, предусмотренного данной статьей, выражается в следующих альтернативных формах: 1) совершение взрывов; 2) совершение поджогов; 3) совершение иных действий. Толкование диспозиции ст. 343 УК РМ, позволяет сделать вывод о следующих альтернативных формах деяния, предусмотренного этой статьей: 1) совершение взрывов; 2) совершение поджогов; 3) совершение иных действий; 4) совершение отравлений; 5) распространение эпидемий; 6) распространение эпизоотий.

Преступление, указанное в ст. 113 УК Украины, может совершаться исключительно путем действия. На это украинский законодатель прямо указывает в диспозиции данной статьи. В этом смысле выразим свое несогласие со следующим высказыванием О.А. Чувакова: «Предоставлено положение о возможности осуществления диверсии (ст. 113 УК) не только в форме активных действий, но и путем бездействия. Данное обстоятельство представляется вполне реальным в современных условиях, когда большинство производственных процессов (особенно опасных) практически полностью автоматизированы и их безопасное осуществление во многом зависит от своевременного в них вмешательства со стороны лиц, исполняющих служебные или профессиональные обязанности. Умышленное несвоевременное неосуществление необходимых действий в нужный критический момент с целью ослабить наше государство следует квалифицировать как диверсию, совершенную путем бездействия» [19, с. 398-399].

Что касается преступления, предусмотренного ст. 343 УК РМ, бездействие возможно в случае: 1) совершения отравлений; 2) распространения эпидемий; 3) распространения эпизоотий. Дело в том, что словосочетание «или иных действий», используемое в данной статье, не распространяет свой эффект на эти три формы диверсии.

По мнению В.Я. Тация, В.И. Тютюгина, А.Д. Комарова и М.А. Рубашенко преступление, указанное в ст. 113 УКУ, имеет усеченный состав [6, с. 28; 20, с. 17]. Другую точку зрения выражают А.В. Шевчук и М.Д. Дякур: «С объективной стороны диверсия выступает как преступление с формальным составом» [7, с. 23]. Наконец С.И. Селецкий считает, что «диверсия содержит материальный состав преступления» [2, с. 21]. Анализ диспозиции ст. 113 УКУ указывает на то, что преступление, предусмотренное этой статьей, признается оконченным с момента совершения соответствующего действия. Притом, данное действие должно быть осуществлено полностью, а не частично. То есть преступление, указанное в ст. 113 УКУ, обладает формальным составом.

Преступление, предусмотренное ст. 343 УК РМ, имеет, в зависимости от обстоя-

тельств, формальный или материальный состав. Оно имеет формальный состав в том случае, когда моментом окончания преступления является совершение взрывов, поджогов или иных действий. Оно имеет материальный состав в том случае, когда моментом окончания преступления является отравление, эпидемия или эпизоотия.

Субъективная сторона преступлений, указанных в ст. 343 УК РМ и ст. 113 УКУ, характеризуется наличием прямого умысла.

Анализ диспозиции ст. 343 УК РМ указывает на то, что подрыв экономической основы и обороноспособности страны выступает главной (конечной) целью диверсии. Промежуточной целью является массовое уничтожение людей, причинение телесных повреждений или иного вреда их здоровью, разрушение или повреждение предприятий, сооружений, путей и средств сообщения, средств связи либо другого государственного или общественного имущества. Другими словами, нельзя считать самоцелью массовое уничтожение людей, причинение телесных повреждений или иного вреда их здоровью, разрушение или повреждение предприятий, сооружений, путей и средств сообщения, средств связи либо другого государственного или общественного имущества. Это всего лишь путь для достижения конечной цели диверсии – подрыва экономической основы и обороноспособности страны.

В ст. 113 УКУ наблюдается в чем-то похожая ситуация. Так ослабление государства выступает главной (конечной) целью диверсии. Промежуточной целью является массовое уничтожение людей, причинение телесных повреждений или иного вреда их здоровью, разрушение или повреждение объектов, имеющих важное народнохозяйственное или оборонное значение, радиоактивное загрязнение, массовое отравление, распространение эпидемий, эпизоотий или эпифитотий.

Отсутствие одной или обеих целей преступления, обозначенных выше, будет означать отсутствие оснований для квалификации деяния по ст. 343 УК РМ или ст. 113 УКУ.

По мнению Ю. Безсусидни, мотивами диверсии могут стать месть, корысть, политическая ненависть к существующему конституционному строю и т.п. [8] Кроме перечисленных, мотивы диверсии могут выражаться в намерении выполнить профессиональные обязательства (в случае профессиональных диверсантов), национальной, расовой или религиозной ненависти, мотивах экстремистского или сепаратистского толка т.д.

Субъектом преступления, указанного в ст. 343 УК РМ, признается физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 16-ти лет. В случае преступления, предусмотренного ст. 113 УКУ, ответственность наступает с 14-ти лет.

Для квалификации деяния по ст. 343 УК РМ ил ст. 113 УКУ, не имеет значения, относится ли субъект преступления к разведывательно-диверсионным подразделениям из состава вооруженных сил, полувоенных или незаконных формирований, совершает ли он преступление по заданию иностранного государства, иностранной организации или их представителей. Такие обстоятельства могут влиять лишь на индивидуализацию наказания.

Список использованных источников:

1. Diaconescu Gh. *Infractiunile in Codul penal roman*. Vol. I. Bucuresti: Oscar Print, 1997. 481 p.
2. Бантишев О.Ф., Шамара О.В. Кримінальна відповідальність за злочини проти основ національної безпеки України (проблеми кваліфікації). Луганськ: ТОВ «Віртуальна реальність», 2014. 221 с.
3. Селецький С.І. Кримінальне право України. Особлива частина. Київ: Центр

учбової літератури, 2008. 496 с.

4. Гайворонский А. Предмет преступного воздействия при совершении диверсии. *Legea și viața*. 2013, № 7. С. 54—58.

5. Чуваков О.А. Ознаки об'єкта та предмета диверсії. *Проблеми національної державності: матеріали міжнар. наук. конф. пам'яті д.ю.н., професора Л.М. Стрельцова* (м. Одеса, 26 берез. 2010 р.). Одеса: Астропрінт, 2010, С. 239—241.

6. Бажанов М.І., Баулін Ю.В., Борисов В.І. та ін. Кримінальне право України: Особлива частина / За ред. М.І. Бажанова, В.В. Сташиса, В.Я. Тація. Київ: Юрінком Інтер, 2005. 544 с.

7. Шевчук А.В., Дякур М.Д. Кримінальне право України (Особлива частина). Чернівці: Чернів. нац. ун-т, 2013. 472 с.

8. Безусідня Ю. Соціальна зумовленість криміналізації кібернетичних атак як суспільно небезпечного діяння проти національної безпеки України. *Підприємництво, господарство і право*. 2017, № 8. С. 149—153.

9. Barbaneagra A., Alecu Gh., Berliba V. et al. Codul penal al Republicii Moldova: Comentariu (Legea nr. 985-XV din 18 aprilie 2002. Cu toate modificarile operate pana la republicare in Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 72-74/195 din 14.04.2009. Adnotat cu jurisprudenta CEDO si a instantelor nationale.). hisinai: Sarmis, 2009. 860 p.

10. Гырла Л.Г., Табарча Ю.М. Уголовное право Республики Молдова: Часть особенная. Том 2. Кишинэу: Cartdidact, 2010. 592 с.

11. Климосюк А.С. Про кримінально-правову характеристику предметів диверсії та необхідність вдосконалення їх законодавчого формулювання в ст.113 Кримінального кодексу України. *Науковий вісник Херсонського державного університету*. Серія: Юридичні науки. 2016, Вип. 5. Том 2. С. 101—106.

12. Климосюк А.С. Безпосередній об'єкт диверсії (стаття 113 КК України). *Проблеми законності*. 2017, Вип. 137. С. 101—112.

13. Brinza S., Ulianoschi X., Stati V. et al. Drept penal. *Partea speciala*. Chisinau: Cartier, 2005. 804 p.

14. Васильев А.А., Пашнев Д.В. Особенности квалификации злочинів у сфері використання ЕОМ (комп'ютерів), систем та комп'ютерних мереж і мереж електрозв'язку. *Вісник Кримінологічної асоціації України*. 2013, № 5. С. 34—42.

15. Cojanu G. Raspunderea penala pentru actele de diversiune potrivit legislatiei Republicii Moldova si a Romaniei. Studiu de drept comparat: Teza de doctor in drept. Chisinau, 2014. 176 с.

16. Мубаракшин Р.Г. Принципы квалификации преступлений. *Вестник ТИСБИ*. 2006, № 1. С. 34—38.

17. Сабитов Р.А. Принципы квалификации уголовно-правовых деяний. *Вестник Челябинского государственного университета*. Том 9. № 1. 2001. С. 52—58.

18. Москвичова А. Проблеми кримінальної відповідальності за вчинення диверсії. *Вісник Кримінологічної асоціації України*. 2014. № 8. С. 195—200.

19. Чуваков О.А. Кримінально-правова протидія злочинам проти основ національної безпеки України: теорія і практика: Дисертація на здобуття наукового ступеня доктора юридичних наук. Київ, 2017. 468 с.

20. Тютюгін В.І., Комаров О.Д., Рубашенко М.А. Кримінальне право України. Особлива частина. Харків: Право, 2016. 156 с.

